

ВЪ ЗАЩИТУ МЕТАФИЗИКИ УМА.

Н. Г. Дебольскій, Философія феноменальнаго формализма. СПБ. 1892.
177 стран.

Настоящее сочиненіе Н. Г. Дебольскаго, пользующагося уже почтенною извѣстностію въ нашей философской и въ частности педагогической литературѣ, составляетъ только 1-й выпускъ первой части предполагаемаго имъ обширнаго труда, который долженъ заключать въ себѣ три части: метафизику, натурфилософію и этику. Самъ авторъ говоритъ, что въ разсматриваемомъ сочиненіи онъ не высказываетъ ничего новаго, а повторяетъ только тѣ мысли, которыя были развиты имъ раньше, главнымъ образомъ въ сочиненіи „Философія будущаго“. А эти основныя мысли, характеризующія философское міровоззрѣніе г. Дебольскаго, слѣдующія.

Философія есть наука о первомъ началѣ, т. е. началѣ, не выводимомъ изъ чего-нибудь другаго, а, напротивъ, служащемъ основаніемъ для всего другаго, и этимъ она отличается отъ частныхъ, специальныхъ наукъ, которыя имѣютъ дѣло не съ первыми, а со вторыми началами, и потому устанавливаютъ не первичныя, а вторичныя истины. Искомымъ первоначаломъ, сущимъ въ себѣ, является умъ,—именно умъ, а не другое что-нибудь, напр. вещество, или душа (воля). Умъ есть единственная вещь въ себѣ и внѣ его—вещи въ себѣ, какъ чего-то чуждаго, навязаннаго ему, не существуетъ. Такая метафизика,—метафизика ума ставитъ себѣ далеко болѣе трудную задачу, чѣмъ то метафизическое умозрѣніе, которое признаетъ перво-

начало, сущее въ себѣ не умомъ, или не вполне умомъ. Ибо метафизика ума должна рѣшить существеннѣйшій и важнѣйшій вопросъ о происхожденіи содержанія нашего познанія, или матеріи познанія, тогда какъ для догматизма этотъ вопросъ не существуетъ, потому что реальный элементъ познанія представляется имъ, какъ нѣчто готовое, напередъ данное уму. Безспорно, что метафизика ума составляетъ высшую ступень философіи и ей,—можно съ увѣренностію сказать,—принадлежитъ будущее. Если же въ настоящее время она отодвинута на задній планъ, а противоположныя ей ученія гордо подняли свою голову, то причину такого явленія нужно видѣть въ неудачѣ, испытанной философіею Гегеля. „Великая заслуга Гегеля состояла въ томъ, что онъ освободилъ метафизику ума отъ всѣхъ тѣхъ примѣсей догматизма, которыя еще сохранились и у Канта, и у Фихте, и у Шеллинга, и сообщилъ ей характеръ панлогизма, характеръ ученія, признающаго сущее проникнутымъ исключительно закономъ ума. Но, понимая этотъ законъ единственно въ формальномъ смыслѣ, Гегель призналъ возможнымъ реальное содержаніе ума вывести изъ его голыя, отвлеченной формы, развить это содержаніе изъ понятія первоначально безсодержательнаго собственнымъ движеніемъ этого понятія. Осуществленіе такой попытки могло временно ослѣпить и увлечь умы, но для прочнаго успѣха панлогизма было скорѣе губительно, чѣмъ полезно, такъ какъ весьма скоро обнаружившаяся неудачность этой попытки надолго уронила значеніе метафизики ума“ (стр. 90. 91). А неудачность попытки Гегеля естественна, говоритъ авторъ, потому, что форма познанія, чистая, отрѣшенная отъ всякой чувственности, мысль, которой только дѣйствительно доступно умопостигаемое, всегда сознается нами бессильною творить содержаніе познанія, ибо нашъ умъ неполный, ограниченный. Реальный элементъ познанія можетъ быть выведенъ только изъ ума полнаго, въ самомъ понятіи котораго данъ атрибутъ творчества. Отсюда понятно, почему авторъ свою философію

называетъ философіею феноменальнаго формализма. Абсолютное можетъ быть, по нему, познано только чистою мыслию, или на основаніи формы нашего познанія; но послѣдняя сама не абсолютна, какъ училъ Гегель, а составляетъ только феноменъ абсолютнаго, и слѣдовательно содержаніе познанія можетъ быть выведено не изъ нея, а изъ того абсолютнаго, обнаруженіемъ котораго она служить.

Противъ этихъ метафизическихъ взглядовъ автора мы не можемъ ничего возразить, а, напротивъ, они представляются намъ вполне симпатичными, ибо на такомъ метафизическомъ базисѣ строится, какъ видно, истинно здравая христіанская философія. Совершенно вѣрно, что абсолютное есть Умъ неограниченный, безконечный, творческій,—Первоумъ, образомъ котораго служить нашъ неполный умъ; совершенно вѣрно, что вещь въ себѣ не можетъ быть мыслима, какъ нечто первоначальное, производное отъ Ума, и значить только творческій Умъ есть вещь въ себѣ; совершенно вѣрно, что, будучи познаваемо изъ содержанія нашего познанія, Абсолютное постигается собственно только чистою мыслию, возвысившеюся надъ чувственностію. Больше говорить здѣсь по этому предмету считаемъ излишнимъ.

Посмотримъ теперь, какимъ образомъ авторъ обосновываетъ свой взглядъ на метафизику, какъ метафизику ума.

Путь, которымъ въ этомъ случаѣ онъ идетъ, чисто отрицательный, именно опроверженіе возраженій противниковъ метафизики ума. Къ такимъ противникамъ онъ почему-то относитъ не только реализмъ, но и позитивизмъ, чистый эмпиризмъ и критицизмъ. Разборъ возраженій этихъ „противниковъ метафизики ума“ и составляетъ собственно содержаніе настоящаго сочиненія. Самый разборъ кратокъ, но ясенъ, точенъ и въ большинствѣ случаевъ убѣдителенъ, и кромѣ того онъ обставленъ полезными историко-критическими примѣчаніями.

Опроверженіе г. Дебольскимъ возраженій противъ мета-

физики (не метафизики ума, а метафизики вообще) позитивизма и чистаго эмпиризма довольно обыкновенно и ходяче. Противъ позитивизма авторъ ставитъ главнымъ образомъ на видъ, что истинная задача науки состоитъ не въ предсказываніи только или предвидѣніи явленій, а въ ихъ обоснованіи, и сѣдовательно нельзя довольствоваться только условными началами, или хотя бы безконечнымъ рядомъ такихъ началъ, а необходимо, въ силу самой природы нашего ума, восходить къ безусловнымъ началамъ. Чистый эмпиризмъ опровергается у него тѣмъ, что прежде всего сами первичные элементы—ощущеніе, представленіе и законы ассоціаціи, изъ которыхъ эмпиризмъ построяетъ опытъ, предполагаютъ непремѣнно нѣкоторыя сверхчувственныя условія. Такъ, ощущеніе напр. возможное только подъ условіемъ сравненія его съ другими ощущеніями, а сравненіе ощущеній есть нѣчто совершенно отлично отъ самихъ ощущеній и потому изъ нихъ не можетъ образоваться; безъ сравнивающей и различающей дѣятельности ума ощущеніе обратилось бы въ безотносительное ощущеніе, т. е. стало бы ничѣмъ. Сами психологи эмпирическаго и близкаго къ эмпирическому направленія (Бенъ, Риль, Тенъ и др.) признаютъ, что чистаго ощущенія въ опытѣ нѣтъ, а ощущеніе всегда двусторонне, т. е. предполагаетъ сравненіе его съ другимъ ощущеніемъ; попытка же англійскаго психолога У. Джемса свести самыя отношенія между ощущеніями также къ ощущенію явно несостоятельна, ибо отношеніе всегда не чувственно. Въ опроверженіе чистаго эмпиризма можно указать и на то, что основныя понятія опыта, т. е. понятіе причинности и субъекта сознанія рѣшительно невыводимы изъ чувственности, ибо опытъ предполагаетъ необходимо понятіе причинности, а субъектъ сознанія есть нѣчто трансцендентальное, и даже съ точки зрѣнія самаго эмпиризма (строгаго) „опытъ есть совокупность субъективныхъ состояній, существующихъ подъ условіемъ субъекта“.

Большій интересъ по своей оригинальности представ-

ляетъ разборъ г. Дебольскимъ критицизма и реализма, хотя опроверженіе перваго направленія показалось намъ неубѣдительнымъ. Какъ извѣстно, критицизмъ признаетъ существованіе въ нашемъ умѣ апріорныхъ формъ, но отвергаетъ приложимость ихъ къ чему-нибудь другому, кромѣ міра явленій. На это авторъ возражаетъ, что категоріи, по ученію Канта, производятся совокупно съ чувственностію, предметъ опыта, слѣдовательно являются сверхъопытными причинами и потому выходитъ, что мы знаемъ сверхъопытныя причины. Но этою критикою едва ли можно удовлетвориться, ибо не такую сверхъопытную причинность разумѣлъ Кантъ, когда отвергалъ возможность ея познанія, и въ указанной критикѣ видна простая игра словъ. Въ другомъ мѣстѣ г. Дебольскій говоритъ, что если бы сверхъчувственное, т. е. категоріи, имѣло приложеніе только къ чувственнымъ предметамъ, „то самое познаніе этой сверхъчувственной составной части нашего познанія было бы невозможно“ (стр. 60). Но мы не понимаемъ, какимъ образомъ изъ познаваемости категорій слѣдуетъ возможность ихъ трансцендентнаго употребленія, что собственно нужно доказать противъ Канта. Разъясняя теперь, какимъ образомъ, не смотря на то, что всякое знаніе требуетъ чего-либо представимаго, мы можемъ познавать сверхъчувственное, непредставимое, авторъ доказываетъ, что это возможно посредствомъ символическихъ или означающихъ представленій, которыми являются главнымъ образомъ представленія словъ, приучающія насъ мыслить предметъ и не держа въ сознаніи всей совокупности представленій, относящихся къ этому предмету, и тутъ же продолжаетъ: „Какъ мы мыслимъ о величинахъ слишкомъ большихъ, или слишкомъ малыхъ для нашего представленія, также мы можемъ мыслить и причины, которыя никогда не составляютъ предмета нашего наблюденія по своей малости, или удаленности въ пространствѣ и времени. Какъ мы распространяемъ математическія отношенія за предѣлы самыхъ условій нашей чувственности, такъ мы можемъ

мыслить совершенно сверхчувственную причину, совершенно сверхчувственнымъ образомъ создавшую міръ“, хотя „представить эту причину, или образъ ея дѣйствія мы не въ состояніи“ (стр. 59). Соглашаемся, что символическія, или означающія представленія слова объясняютъ возможность познанія и изслѣдованія непредставимаго, категорій, но, вѣдь, отсюда далеко еще не вытекаетъ возможность познанія и изслѣдованія „сверхчувственной причины, совершенно сверхчувственнымъ образомъ создавшей міръ“. Мы мыслимъ эту причину (въ чемъ не сомнѣвается, прибавимъ, и Кантъ), и авторъ разъяснилъ, какимъ образомъ мы можемъ ее мыслить, но Кантъ, въ духѣ своей философіи, могъ бы справедливо на это отвѣтить, что мыслимость такой причины есть простой „трансцендентальный призракъ“, и слѣдовательно критицизмъ остается у автора не опровергнутымъ.—Такой неубѣдительности аргументаціи мы не нашли въ опроверженіи г. Дебольскимъ реализма. Реализмомъ, въ данномъ случаѣ, называется направленіе, которое признаетъ метафизику, но не метафизику ума, ибо существуетъ, говорятъ, разнородная уму вещь въ себѣ. Смотря потому, какимъ органомъ, по ученію реализма, познается эта вещь въ себѣ, рассматриваемое направленіе представляетъ три вида: реализмъ раціоналистическій, эмпирическій и мистическій. Противъ перваго вида реализма авторъ основательно говоритъ, что если вещь въ себѣ познается *мысленно*, то она не можетъ быть разнородною уму, ибо единственнымъ *мысленнымъ* содержаніемъ вещи въ себѣ является умъ съ его дѣйствіями; нѣтъ такихъ сверхчувственныхъ связующихъ актовъ ума надъ данными чувственности, которые не объединялись бы въ общемъ понятіи ума. Второй видъ реализма опровергается тѣмъ, что различіе я и не-я, данное въ воспріятіи, есть только различіе опытныхъ я и не-я, души и внѣшняго міра. А между тѣмъ не это требуется доказать, ибо можно возразить, что опытное я и не-я происходятъ отъ сверхъопытнаго я (абсолютнаго); необходимо установить раз-

личіе между сверхъопытнымъ и (абсолютнымъ) и сверхъопытнымъ не-я (вещью въ себѣ), чего эмпиризмъ не въ состояніи сдѣлать, не выходя изъ сферы опыта. Противъ особаго вида эмпирическаго реализма Шопенгауера,—реализма, опирающагося на внутреннемъ опытѣ, авторъ хорошо доказываетъ, что ни Шопенгауеръ, ни другіе сродные ему мыслители не разъяснили, почему именно внутреннему воспріятію воли нужно отдать преимущество предъ другими воспріятіями. Нѣкоторая искусственность замѣчается только въ обоснованіи авторомъ противъ разбираемаго реализма того положенія, что понятіе причинности не заимствуется нами изъ явленій воли, ибо воля не есть полная причина произвольнаго дѣйствія¹⁾.

Наковецъ, третій видъ реализма, т. е. реализмъ мистическій, въ своемъ утвержденіи, что сверхчувственное постигается отличною отъ разума способностію, составляетъ собственно реакцію эмпиризму, по которому выходитъ, что умъ не способенъ произвести сверхъопытныхъ понятій, а между тѣмъ, по мистицизму, такіа понятія существуютъ. Но такъ какъ эмпиризмъ неправъ, т. е. нашъ разумъ способенъ постигать сверхчувственное, то отсюда само собою слѣдуетъ, что нѣтъ нужды для познанія сверхчувственнаго предполагать особую, совершенно отличную отъ разума силу.

Въ заключеніе этой замѣтки мы не можемъ не высказать своего желанія скорѣйшаго появленія въ печати дальнѣйшихъ выпусковъ труда Н. Г. Дебольскаго,—труда безспорно хорошаго и полезнаго.

Д. Богдашевскій.

¹⁾ Кромѣ реализма Шопенгауера, г. Дебольскій, въ своемъ разборѣ возраженій противъ метафизики ума, останавливается еще на двухъ видахъ спиритуалистическаго реализма. По одному изъ нихъ „я непосредственно сознаю себя, какъ мыслящую, или духовную субстанцію“, а по другому — „сущее въ себѣ открывается намъ, какъ нѣчто духовное во всякомъ воспріятіи, поскольку мы воспринимаемъ всегда лишь состоянія своей души“. Оба эти вида спиритуалистическаго реализма авторъ опровергаетъ разъясненіемъ въ приложеніи къ своему сочиненію (стр. 155—177) понятія о душѣ и ея состояніяхъ. Въ этомъ разъясненіи есть много положеній интересныхъ, но нуждающихся, по нашему мнѣнію, еще въ значительной провѣркѣ.